

Мальчик-с пальчик и такая же девочка

Н. П.

-1-

Написал одно, другое, третье.
Мог бы ограничиться одним:
"Мы с тобою брошенные дети.
Ничего мы больше не щадим.

И пощады никакой не просим.
Вместе замерзаем на ветру.
Но в своих карманах гордо носим
безотцовства чёрную дыру.

Требуется нужная сноровка –
просыпать в неё, чтоб уцелеть,
серебро певучее рифмовки,
музыки окисленную медь."

-2-

Стихи без паспортного сходства
с их автором – со мной самим.
И только заповедь сиротства
из всевозможных – сохраним.

Его печальные напевы,
его дубравы и поля.

Что делать, раз пошла налево
многострадальная земля.

И до Отца - совсем не близко.
И есть ли вообще Отец.
А может, только степень риска
самозаведшихся сердец?

Феодосия

Ник. Гл.

Что даётся мне, даётся даром.
Только этой силы не отломится:
разгорелась на снегу пожаром
чёрная боярыня-раскольница.

Отскакал, откланялся вприпрыжку
воробей юродивый с веригами.
Рвётся снег старопечатной книгою
под ногами каждого мальчишки.

И вот-вот сорвутся сдуру сани.
Вдаль умчится полыханье чёрное,
в даль того, что было-будет с нами –
разными, любыми, *обречёнными*.

Возвращение

И что мне Испания эта?
Имбирный и мускусный город?
Течёт дождевая Лета
апрелю в распахнутый ворот.

И пахнет она тем, чем может –
сырым и холодным ночлегом,
и тем, что уже не поможет
любая попытка побега –

вернуться в прекрасные дали,
где радость в обнимку с бедою,

где мускусом пахнут печали,
а слёзы – морскою водою.

А может быть, на пепелище,
где серой лохматой вороной
торчит убежавший Поприщин,
блестя самопальной короной.

Когда б мороз

Опять в тумане улицы. Опять,
как рыбы, проплывают пешеходы.
И на словах моих стоит печать
безжалостной опаловой погоды.

Когда б мороз ударил сгоряча,
когда б с клубами пара вырывалось
"в степи глухой", коснулась бы плеча
славянская особенная жалость.

А так... Ты просто смотришь из окна –
ни жалости, ни этого задора –
предсмертного. Лишь русская вина,
лишённая российского простора.

... Когда б ударил сгоряча мороз,
когда бы степь, кибитка и лошадка,
и ничего не видно из-за слёз,
и горестно, и радостно, и сладко.

Без пальто

Н. П. и Р. Г., беспальтовым

А боль вгрызается винтом...
Но мне приятна мука эта.
Как будто вышел без пальто
весною ранней до рассвета,

а мимо пьяницы ползут,
кого-то на такси увозят.
Блаженство этих вот минут
на репчатом, как лук, морозе

мне говорит: "Иди, владей
тем, чем о н и владеть не смеют,
пока такси везут бл*дей
и мармеладовы трезвеют.

Слезую, выступившей от
мороза, неотступной боли,
от заменимости свобод
на нестерпимый холод воли".

КАТОРГА

Ах, январь ты, прачечный январь,
пахнешь паром, дышишь утюгами,
и дрожит Раскольников, как тварь,
под твоими бабьими ногами.

Вышли переростки погрузить –
вот белеет «Примою» берёзка,
и кричат: «Печальная, прости!» –
на берёзку пьяные подростки,

не каким-то пьяные бухлом –
лебединой песнею извёстки,
что покрыла изнутри их дом
русским – и казённым, и неброским.

Об извёстке лебедей и стен
пишется дыханьем безвозвратным.
И рычат в подростков хрипоте
серые, идущие по тракту.